

АЛЕКСАНДР БАРД
ЯН ЗОДЕРКВИСТ

ХОЗЯЕВА БОЛЬШОЙ СЕТИ

НОВАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

**Александр Бард
Ян Зодерквист
Хозяева Большой Сети.
Новая правящая элита
Серия «Документальный триллер»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289116

Хозяева Большой Сети. Новая правящая элита / А. Бард, Я.

Зодерквист: ООО «Издательство Родина»; Москва; 2023

ISBN 978-5-00222-173-8

Аннотация

Авторы этой книги имеют прямое отношение к Большой Сети. Александр Бард, шведский писатель и музыкальный продюсер, является одним из первопроходцев Интернета, курирует девять международных сетей. Ян Зодерквист, журналист, ведущий авторской колонки в *Finanstidningen* (шведский аналог *Financial Times*), основатель журнала *Dolly*, посвященного вопросам «новой экономики».

В своей книге они рассказывают о новой реальности, наступившей после прихода Интернета. Что произойдет с государством в ближайшем будущем? Как власть будет перераспределена в рамках вновь образующейся иерархии?

Каковы стратегические интересы новой элиты, и чем будет характеризоваться низший класс? Как изменится человек и его представление о мире, и какие последствия это будет иметь? Для ответа на эти вопросы Бард и Зодерквист, показывают, как действует Большая Сеть, какие цели ставят перед собой ее хозяева.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Движущая сила истории	10
Кризис демократии	39
Информация и пропаганда	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Александр Бард,
Ян Зодерквист
Хозяева большой сети.
Новая правящая элита**

© Бард А. (Bard A.)

© Зодерквист Я. (Söderqvist J.)

© Перевод с английского В. Миучкова

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие

Эта книга появилась на свет как следствие нашего глубокого разочарования. Мы были не в состоянии более выносить невежество и инфантильность публичных дебатов о будущем, которое нас ожидает. Все, что до сих пор было сказано и написано, либо насквозь проникнуто какой-либо идеологией, либо не содержит в основании ни малейшей попытки исторического анализа тех причин, вследствие которых технологический прорыв в области информационных технологий может на самом деле драматически изменить наше общество.

Ни отъявленные оптимисты, ни закоренелые пессимисты оказались пока что не способны продемонстрировать серьезность подхода к проблеме. И те, и другие правы по наиболее банальным вопросам, но ошибаются во всем, что действительно является существенным. При этом мы сами живем и работаем в Швеции, в стране, которая всегда приводится как пример раннего и весьма удачного приспособления к новым технологиям и процессу глобализации. Но если даже в такой стране мы постоянно выслушиваем столько чепухи, то как же приходится всем остальным?

Настал тот самый момент, когда кто-то, наконец, должен взять на себя труд нарисовать ясную картину происходящего. Что произойдет с государством? Какова судьба полити-

ков и демократии? Какие изменения претерпят рынок труда и система образования? Как изменится потребительское поведение? Как ход событий повлияет на искусство, философию и средства массовой информации? Как изменится классовая структура, и по какому поводу будут происходить классовые баталии? Какие социальные группы одержат победу или проиграют в новых условиях? Как власть будет перераспределена в рамках вновь образующейся иерархии? Каковы стратегические интересы новой элиты, и чем будет характеризоваться новый низший класс? Как изменится человек и его представление о мире, и какие последствия это будет иметь? И так далее.

Для каждого, кто внимательно прочитает эту книгу, станет ясно, что представители нынешнего класса капиталистов не смогут удержаться на вершине власти, как только влияние новых факторов станет повсеместным. Новый правящий класс – НЕТократия – вышел на арену. В связи с тем, что капиталистический способ производства больше не будет являться доминирующим, необходимо ожидать появления и развития нового низшего класса. Вместо ранее существовавшего пролетариата нарождается новый потребительский класс – консьюметариат.

На наш взгляд, господство интерактивности в качестве главного атрибута информационного обмена приведет к полной смене самих основ установившегося порядка, или, говоря научным языком, к изменению парадигмы существова-

ния, что в свою очередь приведет к изменению механизмов распределения власти в обществе и переходу ее от одного правящего класса к новому, точно так же, как в свое время власть перешла от аристократии, правящего класса феодализма, к новому хозяину тогдашнего мира, буржуазии, появившейся вследствие установления индустриального способа производства.

Вопросом, вызывающим множество дискуссий, является предрекаемый нами скорый конец демократии, когда Сеть выступит скорее в роли старухи с косой, чем рыцаря в блестящих доспехах. Развитие событий подтверждает наши предположения. Графики, показывающие процент голосующих на выборах и участия в политических акциях, неуклонно идут вниз. И никакие красивые лозунги не спасут положение. Те времена, когда демократия действительно служила адекватным средством принятия эффективных политических решений, минули и не возвратятся, как бы нам этого ни хотелось.

Все сказанное не означает, что мы принимаем на себя роль капитулянтов или фаталистов, как заявляли некоторые критики. Разумеется, в любых условиях можно найти способ в той или иной степени воздействовать на ход общественного развития, но только основываясь на более или менее адекватной модели такого развития. Благие намерения бессильны сами по себе. Возможности оказывать влияние на ход событий смогут появиться, только если мы окажемся способ-

ными создать достаточно детальную и при этом неподвзятую модель того, каковы объективные исторические предпосылки и внутренняя природа явлений, набирающих силу.

Движущая сила истории

Известна история о японском солдате, обнаруженном несколько десятилетий спустя после окончания II Мировой войны в непроходимых азиатских джунглях, где все эти годы он продолжал свою маленькую войну. По стечению обстоятельств его оставили там, в полном одиночестве. Возможно, ему было приказано оставаться на этом удаленном рубеже до дальнейших указаний, и поэтому он продолжал исполнять свой долг с поразительной преданностью Родине, либо он был просто слишком напуган для возвращения в более заселенные места. Но шло время, и никто не сказал ему, что объявили мир. Поэтому II Мировая продолжала бушевать в его воображении.

Не стоит смеяться над этим солдатом. Видимо, он был неправ, но точно так же и мы постоянно заблуждаемся. Он был недостаточно информирован, но разве не то же самое происходит и с нами? Все в той или иной степени являются заложниками противоречивых представлений о том, что происходит за пределами того маленького, близкого мирка, о котором только и можно верно судить. Это не мешает формировать суждения о явлениях, порой настолько сложных, что для их понимания разум является, мягко говоря, ограниченным. Большая часть наших знаний не более чем представление о том, что мы знаем. Действия других людей по-

нятны только в той степени, в какой мы действительно знаем, что они думают или знают. Это не всегда осознается. Несоответствие большинства знаний реальному положению вещей означает, что мы вечно продираемся сквозь дебри непонимания, а это дорого обходится.

Подобно японскому солдату, мы воспринимаем мир умозрительно. Мы вынуждены создавать у себя в голове многослойный фильтр, потому что мир слишком огромен и сложен, чтобы позволить себе бесконечно впитывать знание о нем без ущерба для здоровья. По этой причине мы живем в выдуманном мире, построенном на основе множества упрощенных моделей того, как этот мир выглядит или должен выглядеть. Эти вымыслы призваны заполнить те бездонные пропасти, что пролегают между немногими островками доступного знания. Внутри мира личных фантазий мы думаем и чувствуем, но именно вовне, в коллективной реальности у наших действий есть последствия. Чем сложнее ситуация, тем больше догадок мы вынуждены строить, и тем больше доля вымысла в нашем восприятии реальности.

Зависимость от собственных фантазий имеет порой драматические последствия не только для нас лично, но и для общества в целом. Подобно японскому солдату, мы вслепую пробираемся через темный лес. Реагируем на сигналы, которые едва понимаем и последствия которых видим только отчасти. Важнейшие политические решения порой базируются на весьма шатком основании и имеют последствия, дале-

кие от планируемых. Мы придаем большое значение результатам выражения общественного мнения, например, в форме всеобщих выборов, которое лишь служит проявлением минимального знания о предмете.

Журналист Уолтер Липман среди других обсуждал эту проблему в двух своих умных и глубоких книгах. Все увеличивающийся дефицит в понимании общей картины происходящего во многом объясняет, почему, например, современные избиратели гораздо лучше разбираются в махинациях с кредитными карточками или злоупотреблении алкоголем отдельных политиков, чем в важных политических вопросах. Символизм помогает, когда реальные проблемы воспринимаются как чересчур сложные. Весь деловой мир постоянно занимается тем, что меняет прогнозы и корректирует решения задним числом, тщательно скрывая, что предыдущие прогнозы и решения были построены на основе скорее вымышленных, нежели реальных концепций, являясь результатом хронического недостатка достоверной информации.

Становиться информированным значит пытаться синхронизировать свою голову и мир. Есть хороший повод для этого – взаимодействовать с окружающим миром легче, когда правильно представляешь механизмы его функционирования. Изучавший психологию фондовых рынков имеет больше шансов на успех на этих рынках; хорошо знакомый с побудительными мотивами людей имеет больше шансов на успех во взаимоотношениях с ними, и так далее. Каждая ва-

ша ошибка лишь показывает, что мы не были проинформированы так хорошо, как думали или надеялись. Несоответствие между нашим восприятием реальности и восприятием других людей, а равно и между нашими собственными фантазиями и самой реальностью слишком велико. Люди учатся на своих ошибках: принимают их в расчет, и двигаясь вперед, соответствующим образом корректируют свое поведение. Другими словами, используют информацию.

Фантазии могут быть более или менее правдоподобными, более или менее применимыми. Они принимают самые разные формы, от галлюцинаций до научных теорий, и постоянно подвергаются проверке. Наша культура базируется на комбинации фантазий, кажущихся наиболее правдивыми на данный момент, и фантазий, которые уже подтвердились. Темой несоответствия между нашими фантазиями и реальностью постоянно занимается литература. Дон Кихот и Отелло, Раскольников и Эмма Бовари – жертвы своего вопиющего невежества. Все они, так или иначе, включая японского солдата – братья по несчастью. В попытке изучить и получить представление об окружающем мире следует научиться различать стереотипы – те упрощенные модели, которые обычно используются. Не потому что они отражают наш опыт, а потому что они апеллируют к нашим личным интересам – анализу фактов и прогнозам – необходимым моделям реальности, делающим её понятной, даже если результаты не устраивают или не соответствуют нашим заветным мечтам.

Наши мысли зависят от доступа к информации. История японского солдата иллюстрирует это: лишенный доступа к новостям из внешнего мира, он несколько десятилетий был обречен вести свою воображаемую войну. Это справедливо и для целых народов и даже цивилизаций. Мысли и действия – производное наличной информации. Не отсутствие материалов не позволило викингам использовать водные лыжи, а римлянам заснять свои оргии на видео, а отсутствие необходимой информации. В сущности, информация создает цивилизации. Это значит, что развитие технологий не только изменяет предпосылки для тех или иных действий, но, изменяя способы обмена и перераспределения информации, приводит к переоценке всех ранее существовавших представлений о мире. Закономерным следствием технологической революции становится появление новой исторической парадигмы.

Появление языка стало одной из таких революций. Наши ближайшие родственники – приматы – это высокоразвитые животные с потрясающими способностями к обучению. Но мы не в состоянии научить их говорить. С физиологической точки зрения, их верхние дыхательные пути не приспособлены к тому, чтобы функционировать в качестве голосового аппарата. Однако приматы не способны использовать и язык изображений. Шимпанзе едва могут научиться различать символы для общения на уровне маленького ребенка: они могут показать, чего они хотят, и кто это должен сде-

лать, но не в состоянии обмениваться опытом и рассуждать о смысле жизни. У них отсутствует способность обмениваться мыслями при помощи лингвистических символов, что до предела снижает возможности обмена информацией. Отделение людей от приматов произошло примерно 5 миллионов лет назад, но и после этого потребовалось очень много времени для появления языка. Поначалу у людей были проблемы с неприспособленностью голосового аппарата, а эволюция, как известно, медленный процесс. Назвать точную дату появления разговорного языка трудно. Современные исследования свидетельствуют, что это произошло около 150–200 тысяч лет назад, то есть тогда, когда и развитие мозга, и изменения в анатомии стали достаточными для появления артикулированной речи.

Язык отличает нас от других животных. Для создания технологий требуется абстрактное мышление, которое в свою очередь возможно только при наличии системы лингвистических символов. Язык предоставил возможность социального развития, что привело к созданию устойчивых коллективов и открыло мир взаимоотношений с другими людьми. С развитием коммуникаций общественная жизнь принимала все более сложные формы. Язык обеспечил способность инновационного мышления вкупе с бесконечными выразительными и творческими возможностями. Это также привело к распространению информации среди всех членов общины. Важнейшие сведения общества собирателей и охотни-

ков – какие растения съедобны, какие съедобны только после обработки, какие следы каким животным принадлежат и так далее – можно стало передавать членам относительно большой группы людей, а равно и другим поколениям. Люди стали учиться на чужих ошибках и повторять успешный опыт других, развивая коллективный опыт. Человеческая раса произвела на свет память, что способствовало развитию знания, но только до определенного предела. Устная речь не дает, по крайней мере, без использования диктофона, возможности надежного хранения большого объема информации.

Все четыре так называемые колыбели цивилизации – Месопотамия, Египет, Индия и Китай – образовались и развивались примерно в одно и то же время. Что объединяло их друг с другом (а равно и отличало от других государств, которые также занимались торговлей и металлургией), так это письменность. В Месопотамии для письма использовали глиняные таблички, и древняя книга состояла из нескольких табличек, хранящихся в кожаной сумке. Самые значимые тексты, например законы, обычно наносили на большие открытые поверхности, чтобы они были достоянием всех. Таким образом, основополагающие ценности общества, идеи и нормы, из разряда древнего и мистического знания, доступного лишь шаманам и передаваемого из уст в уста, трансформировались в ограниченное число декретов, предназначенных для чтения практически каждого члена общества.

Прежде довольно примитивные и закрытые для внешнего мира народы становились все более развитыми и открытыми для контактов с окружающим миром.

Одновременно знание дает власть. Ранние формы письменности изначально были инструментами власти. Еще шумерские цари и священнослужители использовали письменность для фиксации размеров налогов (обычно выражавшихся в количестве овец) для разных категорий подданных. Кроме того, письменность использовалась в целях пропаганды, постоянно напоминая людям, кто ими правит, и какие блистательные победы были одержаны правителем на благо своего народа.

Однако никогда не считалось, что письменность должна стать доступной обычному человеку. Исходная цель первых опытов с письменным языком состояла, по словам французского антрополога Клода Леви-Стросса, в том, чтобы «способствовать дальнейшему порабощению других людей». Но революции живут собственной жизнью, не поддающейся никакому долговременному контролю, и именно так обстоит дело с информационной революцией. Все то, что ранее считалось недоступным ввиду своей пространственной или временной отдаленности, с изобретением письма стало легко достижимым и познаваемым. Рост объема доступной информации приобрел взрывной характер, и все благодаря гениальному изобретению визуального кода для коммуникаций.

Интеллектуальная жизнь стала весьма насыщенной. Имея

на руках хорошо сконструированный, при этом фонетический, а не слоговой, алфавит (то есть такой, в котором буквы обозначали отдельные звуки, а не слова или понятия), древние греки создали философию и другие базовые науки, ставшие, в свою очередь, «грамматикой» мысли. Замена уха на глаз в качестве основного средства лингвистического восприятия произвела радикальный переворот в нашем понимании мира. Письменный язык был настоящим чудом. Вполне логично, что египетский бог Тот, который дал людям дар письма, одновременно считался богом волшебства.

Письмо и чтение изменили мир и знание о нем. Создание и существование империй стало возможным только с развитием письменности. Теперь можно стало передавать информацию, например приказы, на действительно большие расстояния, что, в свою очередь, привело к исчезновению го родов-государств. Интересно, что спад производства папируса в годы правления последних римских императоров многими историками считается важнейшей причиной упадка Римской империи. Даже письменная информация имеет пределы.

Изобретение Иоганном Гутенбергом печатного станка в середине пятнадцатого столетия положило начало следующей эпохальной информационной революции. Печатный станок послужил важнейшим условием развития того, что стало современной наукой, со всеми связанными с этим великими открытиями и техническими усовершенствования-

ми, приведшими к индустриализации. Печатные книги служили источником открытий астронома Николая Коперника. Не будь машинной печати, его манускрипт был бы обречен собирать пыль в монастырской библиотеке. К счастью, именно благодаря печатной машине его труд «De Revolutionibus», содержащий тезис о вращении Земли вокруг Солнца, с громадной скоростью распространился в мире, в котором с тех пор ничто уже не могло остаться прежним.

Как говорится, процесс пошел, и ничто уже не могло его остановить. Печатный станок предоставил одаренным и предприимчивым людям доступ к необходимой информации в таких масштабах, о которых раньше и мечтать не приходилось, что, конечно, послужило серьезным фактором научного вдохновения. Христофор Колумб, как известно, был внимательным читателем рассказов о похождениях Марко Поло. Множество научно-технической литературы начало циркулировать по Европе, и эта информационная волна ускорила развитие, прежде всего новых подходов и нового мышления в области информационного менеджмента, и вымостила дорогу постепенному развитию наук.

После некоторого инкубационного периода, связанного с появлением печатного прессы, появилось много изобретений, важнейшими из которых, серьезно изменившими наши взгляды на себя и на окружающий мир, стали, конечно, часы, порох, компас и телескоп.

Великолепной иллюстрацией власти развитого информа-

ционного менеджмента стала историческая встреча между образованной Европой и неграмотной Америкой, представленная физиологом Джаредом Даймондом. В 1532 году возле города Кахамарка на Перуанском нагорье Франциско Писарро всего со 168 солдатами взял в плен царя инков Атахуальпу, имевшего под своим командованием 80000 человек. Факт становится понятным, только если принять во внимание, что лидер инков ничего не знал о своих непрошенных гостях, в то время как испанцы были прекрасно осведомлены о своем противнике. Атахуальпа и представить себе не мог, что эти пришельцы вознамерились завоевать целую часть света, и что многие великие индейские цивилизации Центральной Америки уже пали к их ногам. Атахуальпа находился целиком во власти устной информационной ограниченности.

Атахуальпа поначалу не воспринимал пришельцев всерьез, поэтому, когда его воины впервые в своей жизни увидели всадников на лошадях, они впали в панику. Сам Писарро, возможно, и не умел читать, но он был современником культуры письма и чтения и потому имел доступ к обширной информации о других цивилизациях. Он также был осведомлен о каждом этапе испанской экспансии и потому использовал в основе своей кампании тактику Эрнандо Кортеса, победившего царя ацтеков Монтесуму. Об успехе Писарро вскоре узнали в Европе. В 1534 году вышла в свет книга, описывавшая события при Кахамарке, написанная одним

из его соратников, впоследствии переведенная на несколько языков и ставшая бестселлером того времени. Спрос на информацию был громаден, а преимущества владения ею очевидны.

Сегодняшние электронные средства связи – часть величайшей из всех информационных революций. Довольно долго считалось, что Равным предназначением компьютера является «думать», то есть продуцировать искусственный разум, значительно превосходящий наш собственный. Многие объявили об этом как о свершившемся факте в тот момент, когда суперкомпьютер по имени Big Blue обыграл в шахматы тогдашнего чемпиона мира Гарри Каспарова. Но сегодня выясняется, что компьютерная технология пошла по несколько иному пути и стала в первую очередь служить целям развития коммуникации посредством компьютерных сетей. Конечно, все более мощные и быстрые компьютеры позволяют осуществить ранее невозможные вследствие сложности и временных затрат математические операции. И это неоценимая помощь математикам и другим ученым. Наше коллективное знание возрастает экспоненциально. Но именно глобальная компьютерная сеть является самым интересным аспектом развития компьютерных технологий. Новые преобладающие коммуникационные технологии означают зарождение нового мира.

Интернет – это что-то совершенно новое. Средство, благодаря которому практически любой человек после относи-

тельно небольших инвестиций в оборудование и при помощи нескольких простых действий может стать одновременно и создателем, и потребителем текста, образов и звуков. Трудно себе представить что-либо более могущественное. В Сети мы все и авторы, и издатели, и продюсеры. Наша свобода самовыражения колоссальна, а аудитория необозримо велика. Простым нажатием кнопки любая информация становится немедленно доступной. Масштабы развития этого средства коммуникации не имеют себе равных.

Начало интернету было положено еще в 1960-е, когда разные организации военной промышленности США приняли решение о создании компьютерных сетей, чтобы децентрализовать важную информацию оборонного значения посредством соединенных между собой, но при этом значительно удаленных друг от друга терминалов. Целью было снизить негативные последствия ядерной войны с Советским Союзом.

После того, как подобные сети прекрасно зарекомендовали себя в исследовательских проектах, многие американские и европейские университеты создали единую сеть. Именно использованием сетей в научных проектах объясняется тот факт, что принцип «всемирной паутины», позднее ставший основой построения интернета, в его внешнем виде был разработан не в США, а в Швейцарии, учеными европейского института исследований в области физики элементарных частиц.

Однако только в конце 1980-х в результате прорыва в области технологий персональных компьютеров и средств связи между ними (модемов) интернет перестал быть инструментом исключительно военных и научных кругов и перешел в общественное пользование. Но даже в начале 1990-х о существовании интернета знали немногие. Только в декабре 1995 года глава Microsoft Билл Гейтс наконец объявил, что его компания намерена серьезно изменить приоритеты в пользу развития сетевых коммуникаций. С тех пор распространение интернета стало феноменальным. Приводить число компьютеров, подключенных к Сети, даже не имеет смысла, поскольку это число растет сумасшедшими темпами. То число, которое могло быть более или менее точным на момент написания, будет безнадежно устаревшим на момент прочтения.

Существуют разные реакции на подобное развитие событий. Критики утверждают, что все эти разговоры по поводу революции в области информационных технологий и «новой экономики» абсурдны, или, по крайней мере, весьма преувеличены. В подтверждение скептики частенько приводят тот факт, что на фондовых рынках акции многих компаний, связанных с информационных бизнесом, рухнули, а оставшиеся терпят убытки и не имеют долгосрочных перспектив. Единственные, кто реально смог заработать на компьютерах и связанных с ними технологиях, так это консультанты всех мастей и собственно производители компьюте-

ров и программного обеспечения к ним, а потребители так и не извлекли значимой выгоды. Ничего, даже отдаленно напоминающего экспоненциальный рост, в экономике в целом зафиксировано не было.

С точки зрения скептиков, мир, по сути, остался таким же, как прежде. Мы по-прежнему производим молотки и гвозди, а банки продолжают исправно принимать и ссужать деньги. Изменились, может быть, некоторые офисные процедуры, но значение этого слишком преувеличено. Большинство людей вместо диктофонов и секретарей ныне используют персональные компьютеры для написания деловых писем, но вопрос в том, улучшилось ли вообще положение дел. Электронная коммерция не более чем обычный бизнес, даже если мы используем супермодные устройства. По мнению скептиков, все это дань моде: прикольно быть первым, применившим ту или иную новинку, не важно, какие реальные выгоды это принесло. Все равно, какие технологии мы используем для связи, главное – содержание информации. Старые проверенные истины останутся таковыми и в будущем.

Придерживающиеся противоположной точки зрения пребывают в экстазе. Каждый, кто видел свечение монитора, утверждает, что все автоматически изменится к лучшему. Интернет – это решение всех наших проблем. Экономика расцветет и будет приносить выгоду всем и каждому, этнические и культурные конфликты исчезнут, поскольку им не будет места во всемирном «цифровом» сообществе. Став-

шая доступной информация делает более осмысленным наши гражданские обязанности и оживит демократию. Именно в цифровых сетях мы обретем то общественное согласие, которого нам так недостает, и гармония воцарится повсюду. Развлечения станут более интерактивными и более «развлекающими», чем когда бы то ни было, благодаря неисчерпаемым возможностям этой новой технологии.

И скептики, и энтузиасты ошибаются. Ни крайний скептицизм, ни слепая вера не являются плодотворной стратегией в нынешний период все ускоряющихся изменений. Обе эти точки зрения демонстрируют нежелание мыслить критически и неспособность понимать. Это не аналитические исследования, не прогнозы, а просто предубеждения. Новые революционные технологии, несомненно, приведут к изменению самих основ жизни общества, культуры и экономики. Но это не решит всех наших проблем. Было бы наивно надеяться на это. Развитие означает, что мы радикальным образом решаем одни проблемы, одновременно сталкиваясь с массой других. Мы можем жить дольше и быть более здоровыми и свободными людьми и осуществить большее из задуманного. Но фундаментальный конфликт между классами и группами людей не собирается исчезать, принимая все более замысловатые и малопонятные формы.

Изменения такого рода не происходит в одно мгновение. Скептики, радостно указывающие на то, что большая часть мировой экономики по-прежнему связана скорее с произ-

водством физических объектов: самолетов, холодильников и садовой мебели, чем с услугами Сети, проявляют нетерпение или просто не в состоянии оценить глубину изменений.

Во многих аспектах мы все еще находимся только в предварительной фазе революции. Конечно, вряд ли холодильники исчезнут, но в новой социо-экологической системе обычные предметы получают новые функции и приобретут иное значение. Рекламные кампании по продвижению холодильников, к примеру, не будут более акцентировать внимание на их способности предохранять молоко от порчи, поскольку мы будем считать это естественной функцией холодильника, но обращать наше внимание на возможности холодильника «разумно» взаимодействовать с другими объектами в Сети.

Всегда должно пройти время, чтобы изменения по-настоящему вошли в жизнь. Революционность любой технологии становится явной по завершении инкубационного периода. Последствия изобретения печатного станка стали со всей силой очевидны лишь 300 лет спустя, когда это привело к драматической перетряске основ социального устройства и к появлению новой парадигмы; капитализма. Потребовалось время, чтобы грамотность распространилась до такой степени, чтобы печатная продукция стала оказывать воздействие на большие группы людей. Только в XVIII столетии, в эпоху Просвещения, изменилось общественное сознание, обмен информацией стал оживленным, а технические нововведения достаточно значимыми для того, чтобы превратиться в

символы наступающей индустриализации.

В XVII веке грамотность быстро распространялась по Северной Европе, но еще более заметным рост грамотности стал столетие спустя, прежде всего в результате расцвета протестантизма и перевода Библии на несколько языков. Так создались предпосылки для нового стиля общественной жизни, который складывался благодаря газетам совершенно нового направления. Такие издания, как *The Spectator* («Наблюдатель») в Англии, ориентировались, и одновременно помогли его становлению, на образованный и космополитичный средний класс. Целью этих газет было информировать читателя о новейших веяниях и побуждать к дискуссиям. Во Франции понятие «салон» возникло, когда аристократы и представители среднего класса стали общаться и обсуждать злободневные проблемы. Скоро это стало популярно и распространилось по всей Европе.

Но даже если грамотность и развитие информационных технологий заложили фундамент для общественных изменений, они не могут объяснить их полностью. Множество факторов должны были совпасть для того, чтобы эпохальные изменения все же произошли. Французский социолог Жак Эллюль, исследовавший внутреннюю природу технологий и их влияние на нашу жизнь и окружающую среду, указал на ряд ключевых моментов. Первый и, возможно, наиболее очевидный момент состоит в том, что должно быть достаточно необходимых технологий и средств производства, что под-

разумеает довольно длительный исторический процесс.

Любое нововведение коренится в прошлом. Более того, открытие – это понятие комплексное: целая серия более мелких открытий самого разного рода сливается вместе, образуя мощную комбинацию, эффект которой сильнее, чем сумма эффектов ее частей. Между 1000 и 1750 годами было совершено колоссальное количество открытий, каждое из которых было замечательным само по себе, но при этом не связанным с другими. И только после 1750 года все эти изобретения вдруг начали работать в одном направлении и привели к масштабной индустриализации.

Другой важной предпосылкой, согласно Эллюлю, является рост населения. Увеличение численности населения подразумевает рост потребностей, которые не могут быть удовлетворены без роста производства. Необходимость – мать изобретения. Кроме того, рост населения создает условия для развития исследований технического и экономического развития, частично в форме увеличения объема рынка, а частично – путем расширения «человеческой» базы для экспериментов с разными типами продуктов. Третья предпосылка для изменения парадигмы состоит в том, что должны быть соблюдены два специфических и частично вступающих в противоречие друг с другом условия, однако переходящие один в другой.

Во-первых, нужна стабильная база для научных исследований, которые совершенно необходимы для технологиче-

ского рывка, но при этом не приносят прибыль в обозримом будущем. Во-вторых, должны существовать возможности для широкомасштабного и быстрого изменения правления таких исследований, готовность к стимуляции и восприятию новых идей.

Четвертая предпосылка смены парадигмы касается самого социального климата и является, по мнению Эллюля, видимо, самой важной. Смена парадигмы не может произойти без ослабления влияния на общество идеологических и религиозных табу и без освобождения общественного сознания от любого рода детерминизма, ощущаемой подспудно предопределенности. Так, для развития индустриализма критичным оказалось то, что целый перечень традиционных представлений о том, что является «естественным», а что нет, был пересмотрен, и ни природа, ни социальная иерархия не воспринимались более как нечто священное и неизменяемое.

Представления о природе человека и его месте в мире претерпели коренные изменения. Индивидуальность была поставлена во главу угла, а обсуждение свобод и прав человека серьезно подорвало концепцию групп и классов. Внезапно появились невиданные ранее возможности для общественного развития и повышения уровня жизни. Освобождение личности и повышение эффективности производства слились в едином порыве. Возник эффект исторического резонанса, когда разные факторы стали значительно усиливать

влияние друг друга на развитие событий, ускоряясь по спирали. Средние классы были вознаграждены за свое стремление адаптироваться к изменениям и извлечь из них максимум. Так средний класс стал доминирующим при капитализме.

Суть промышленной революции состояла в том, что машины многократно усилили физические возможности человека. Цифровая революция означает, что до невероятных пределов будут расширены возможности человеческого мозга посредством его интеграции в электронные сети коммуникаций. Но мы еще не подошли к этому моменту: необходимые предпосылки пока не созданы. Возможно, технологии развиваются с захватывающей дух скоростью, но люди – существа медлительные. И вновь нам мешают всевозможные религиозные и идеологические табу. И вновь мы на пороге необходимого творческого разрушения системы прежних представлений. Процесс находится вне нашего контроля. История учит, что каждая принципиально новая технология, хорошо это или плохо, реализуется непредсказуемым образом и мало зависит от того, что предрекали ее создатели. Как выразился теоретик коммуникаций Нил Постман, «технология играет сама за себя».

Возьмем, к примеру, часы. С виду невинный и вполне нейтральный предмет, но в действительности маленькая адская машинка, отсчитывающая секунды и минуты, которая с момента своего изобретения полностью перевернула на-

ше восприятие времени. Когда монахи-бенедиктинцы на рубеже XII и XIII веков создали первые прототипы часов, их предназначением было внести стабильность и ясность в монастырский уклад, особенно относительно предписываемых семи часов ежедневной молитвы. Механика часов привнесла точность в богоугодное дело. Но сами часы не собирались этим ограничиваться. Скоро они вышли далеко за стены монастырей. Конечно, часы вносили порядок в монашеские молитвы, но, помимо этого, они стали важнейшим инструментом, способным синхронизировать и контролировать ежедневную жизнь простых людей.

Именно благодаря часам стало возможным организовать регулярное производство в течение расписанного по часам рабочего дня. Другими словами, часы стали одним из краеугольных камней капитализма. Хотя их изобретение было посвящено Христу, они зажили своей собственной жизнью и стали одним из самых преданных слуг маммоны.

Буквально то же произошло и с печатным прессом. Благочестивый католик Гутенберг едва ли мог вообразить, что его изобретение будет использовано для нанесения смертельного удара по папской власти и продвижения ереси протестантизма посредством доступности Слова Божьего для любого, что в свою очередь позволяло каждому по-своему интерпретировать Библию. Когда доступ к информации получили все, естественным, хотя и непредвиденным, следствием стало то, что многие незыблемые истины того времени были подверг-

нуты сомнению.

С 1700 года рационализм развивался одновременно с увеличением числа образованных людей, и именно печатное слово произвело всю необходимую для этого работу. Целью было освобождение человечества от всякого рода суеверии, в первую очередь религии и монархии. Ибо, как сказал французский мыслитель эпохи Просвещения Дени Дидро, «человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника».

Пока информация была исключительной редкостью, принадлежавшей нескольким избранным, нельзя было и представить, что подобные идеи вообще могут получить широкое распространение. Однако после инкубационного периода сроком в 200 лет распространение идей приобрело массовые масштабы. Технология сделала свое дело, и все изменилось. Когда начали проявляться истинные последствия изобретения печатного станка, была уже невозможна, как выразился Постман, «старая Европа плюс маленькое симпатичное изменение». Появилась совершенно новая Европа, которая думала и действовала по-новому. Прогресс стал очевиден, исторический процесс стал проясняться, здравый смысл и науки, предполагалось, совсем скоро выведут людей из мрака невежества и приведут к повышению уровня жизни. Родился новый взгляд людей на мир и на самих себя.

Новая преобладающая информационная технология изменяет все, в том числе и язык. Отчасти из-за того, что необ-

ходима новая терминология (новые названия для новых игрушек), и что самое интересное и непонятное, так это то, что старые слова приобретают новые значения. С изменением языка изменяется и образ мышления. Новая технология дает новые определения базовым понятиям, таким как знание и истина. Перепрограммируются представления о том, что является важным и неважным, возможным и невозможным, и, самое главное, о том, что такое реальность. Реальность принимает новые выражения.

Именно это имеет в виду Постман, когда говорит, что общество претерпевает «экологические» изменения. Технология встряхивает наш разум, как детский калейдоскоп, и появляется новый неожиданный мир идей и возможностей. Мы вступаем в новую культурную и экономическую эру. Дух времени определяет наши мысли, буквально. Ведь эра (парадигма) – это просто набор представлений и ценностей, которые объединяют людей в определенное общество.

К примеру, если все вокруг убеждены, что мир плоский, то бессмысленно пытаться проложить морской путь вокруг Земли. Когда Коперник заявил, что Земля вращается вокруг Солнца, большинство людей думали, что он просто спятил. И неудивительно. Но смеяться над критиками Коперника сейчас означало бы не понимать, как работает парадигма. На самом деле, нельзя с уверенностью утверждать, что критики Коперника были неправы, поскольку они-то, говоря «Земля», имели в виду как раз неподвижную точку пространства.

Слова тогда еще имели прежние значения, сдвиг парадигмы не наступил, и люди все еще думали в привычной и общепринятой манере.

Тоже самое произошло и при переходе от физики Ньютона к физике Эйнштейна. Многие отвергали общую теорию относительности из простого соображения, что Эйнштейн предполагал, что понятие «пространство» означает что-то, что можно «изогнуть», а прежние представления о пространстве описывали его как постоянное и однородное. И это было существенным расхождением. Если бы пространство не обладало этими качествами, то Ньютонская физика просто перестала бы функционировать. А поскольку она все же функционировала и достаточно успешно в течение долгого времени, от нее не так-то просто было отказаться. Возникла ситуация, при которой две парадигмы конкурировали друг с другом.

Но человек не принимает двух противоположных точек зрения одновременно. Либо одна, либо другая. Земля не может одновременно двигаться и стоять на месте. Пространство не может быть одновременно плоским и искривленным. Поэтому переход каждого человека от одной парадигмы к другой всегда моментальный и полный. Как для того японского солдата, покинувшего джунгли и внезапно обнаружившего, что он многие годы жил в иллюзии; и мир, а не война на повестке дня, а Япония является флагманом азиатского экономического чуда. Мы имеем в виду качественный ска-

чок, а не количественный. Переход от одной парадигмы к другой состоит не в том, чтобы добавить вновь открывшиеся факты к уже известным, а в том, что новые либо уже известные факты, высвеченные в новом свете, полностью изменяют нашу картину мира. Как только мы осознаем, что прежний взгляд на мир устарел и больше не может объяснить то или иное непонятное явление, и его нельзя отрицать или игнорировать, вот тогда и необходимо избавиться от огромного количества ненужных знаний. Это одна из неизбежных жертв при сдвиге парадигмы.

Между прочим, это острая ситуация для того, кто пытается ориентироваться в мире, создаваемом (как снаружи, так и мировоззренчески) электронными сетями. Проблема теперь уже не в отсутствии информации, а в ее переизбытке. То, что кажется свежей информацией и новыми идеями, может на поверку оказаться вчерашними новостями, или того хуже – полным бредом, восприятие переработка которого – пустая трата времени и сил, дорога в тупик. Прежние рецепты успеха быстро устаревают. Человеку свойственно пользоваться стратегиями, доказавшими свою успешность в прошлом, и расставаться с ними тем труднее. Сумевший построить успешный бизнес или сделавший свою жизнь более-менее комфортной, редко признает необходимость отказаться от старого и начать все с нуля.

Именно в этом истинная новизна происходящего сейчас. Главное в прежней парадигме было то, что после некото-

рого более или менее длительного периода потрясений она обеспечивала нас твердой почвой под ногами. Мы знали, что какие бы ни были колебания, рано или поздно все успокоится. Придется привыкнуть, что роскошь стабильности более недоступна, и единственно постоянная вещь – сами изменения. Все течет. Социальная и экономическая стабильность, ранее бывшая нормой жизни, теперь станут редкостью и признаком стагнации. Недостаточно просто думать или думать по-другому. Теперь придется постоянно переосмысливать идеи и отбрасывать их. Творческое разрушение не знает отдыха.

В кулуарах философии науки, где, собственно, и зародилась концепция парадигмы, теперь любят говорить об аномалиях и кризисах нашего времени. Аномалии – это явления, которые нельзя предвидеть и трудно подогнать под существующую парадигму. Сегодня аномалии повсюду: в обществе, в культурной жизни и в экономике. Предпосылки, лежащие в основе политики, изменяются с поражающей скоростью. Идеологические расклады недавнего прошлого не имеют ничего общего с сегодняшним днем. Целые отрасли и великие империи средств массовой информации разрушаются на наших глазах.

Наша работа переживает драматичный революционный период, эффективно разрушаются прежние представления о пожизненном трудоустройстве, автоматическом продвижении по служебной лестнице и иерархической организации.

Сегодня юноши в странных одеждах, у которых еще и молоко-то на губах не обсохло, умудряются зарабатывать и проматывать громадные состояния, занимаясь бизнесом, о котором акционеры не имеют ни малейшего представления.

Когда появляется большое число аномалий, есть два варианта возможных действий. Первый, попытаться втиснуть новый феномен в старую систему понятий. Именно так люди всегда поступали с научными аномалиями: латали и штопали старые теории, как это, например, происходило в свое время с Птолемеевой системой астрономии с Землей в центре и всеми остальными небесными телами, вращающимися вокруг нее. Некоторое время такой подход выручает, пока постепенно не становится ясно, что все предположения прежней теории больше не подтверждаются. И тогда мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью другого подхода: признать, что старая система изжила себя, даже если в данный момент ее еще нечем заменить.

Это ввергает нас в кризис, важность которого в том, что он сигнализирует о необходимости нового мышления. Именно в этой точке мы находимся сейчас – в самом разгаре кризиса, зародившегося в недрах старой капиталистической парадигмы и показавшего ее бесполезность, и будем здесь до тех пор, пока новая система не завоеует достаточное число сторонников, чтобы функционировать как общепринятая модель. Множество людей все еще пытаются латать дыры старой системы: увы, налицо недостаток нового мышления.

Японский солдат, затерянный в джунглях, конечно, был плохо информирован и вел свою личную мировую войну по большей части у себя в голове, но можно считать, что он был заложником непреодолимых обстоятельств. Мы же вряд ли можем винить кого-либо, кроме самих себя, если из-за собственной лени или глупости не сможем выстроить хотя бы относительно ясную картину происходящего вокруг и не сможем сделать из этой картины соответствующих выводов. Единственное, что мы можем сказать наверняка: Земля достанется не тому, кто отличается смирением.

Кризис демократии

В соответствии с классическими марксистскими воззрениями на историю, верхи правят, контролируя средства производства. Власть есть владение и руководство производственным процессом. Важнейшей функцией культуры, с марксистской точки зрения, является оправдание существующей власти, представляемой как «естественная». Главным занятием в феодальном обществе было производство и распределение сельскохозяйственной продукции. Власть была неотделима от контроля над землей и её дарами, а правящий класс феодальной эпохи, аристократия, непрерывно поддерживал контроль над землей и придавал этому контролю легитимность. Культура использовалась как инструмент для удержания крестьян в подчинении. Существующий порядок вещей, принципы социальной иерархии и неограниченные права аристократии распоряжаться земельными угодьями представлялись как «естественные» и вечные. Такой взгляд на мир был безальтернативным.

Аристократы (для осуществления неограниченной власти на средства производства) имели мандат божественного происхождения, производное религии, приспособленной для этих цели: защиту права на земельную собственность. В феодальной Европе эту роль играло христианство. Цветные церковные витражи повествовали о поучительных исто-

риях, в которых послушание господину воздавалось стoriцей, а стремление к независимости сурово наказывалось. Религия, словно губка, всасывала, растворяла и подавляла любые формы общественного сопротивления или неординарного мышления — буквально на всех уровнях общественной жизни. Привлекая наиболее яростных противников системы из подчиненного класса и соблазняя их престижной карьерой в организации, церковь обеспечивала мягкий буфер между классами.

Интеллектуальная деятельность при феодализме, в основном, была сосредоточена в монастырях, монахи и монахини с литературными способностями вели бесконечные дискуссии по неразрешимым теологическим проблемам, а также занимались переписыванием библейских текстов от руки, которые затем пылились в аристократических библиотеках. И все это с целью нейтрализовать не в меру пытливые умы, направляя их в русло поддержания существующего строя. Стоило только какому-нибудь монаху выказать особенное стремление к власти и славе ради собственного величия, как живописный кардинальский наряд уже был наготове, чтобы умиротворить его. Потенциальные лидеры социального протеста с раннего возраста были облачены в рясы и сутаны, усиливая, таким образом, безжалостное подавление низшего класса.

Всё это были права, освящённые самим Богом, а под ним выстраивалась вся святая иерархия. Наместником Бога на

земле был монарх, чья религиозная и мирская власть формализовалась в законах, которые он сам и сочинял, и провозглашал. Со своей стороны, монарх гарантировал аристократии сохранение её привилегий, фактически передоверяя ей монополию на применение силы при любой попытке восстания против существующей власти. В обмен на монополию применения силы, которая была достаточной гарантией контроля над средствами производства, аристократы присягали на верность короне и служили офицерами в армии, когда их монарх конфликтовал с другими монархами и начинал войну.

Феодальное общество держалось на этом альянсе монархии и аристократии, скрепленном церковью и защищаемом армией. Всё это обеспечивало желаемую социальную стабильность. Поддержание status quo было основным и общим интересом монарха и аристократии. Любая угроза существующему строю подавлялась в зародыше. В результате получилась почти герметичная конструкция, где просто не существовало альтернативных вариантов создания центров власти, которые могли бы нападать или даже подвергать сомнению правящую структуру. Следовательно, система не содержала угроз внутри себя, и только революционные изменения базовых технологических условий феодализма могли привести к заметным переменам и потрясениям в этой иерархии, которые, в свою очередь, неизбежно привели бы к появлению совершенно нового общественного устройства. Но что-

бы это произошло, была необходима подлинная смена парадигмы.

Главенствующее положение религии при феодализме не являлось следствием заинтересованности общества в проблемах мироздания, а было результатом интенсивного идеологического творчества аристократии с целью утвердить свои неограниченные права на землевладение. Религиозный посыл повсеместно был один и тот же: каждый клочок земли был на неограниченный срок передан во владение конкретной семье, чье неотъемлемое право (и обязанность) состояла в том, чтобы передавать эту землю по наследству из поколения в поколение.

Консервативное учение церкви, вводимые монархом законы и монополия аристократов на применение силы действовали согласованно, лишая крестьян эффективных способов противодействия или сопротивления существующим порядкам. Земля и право её наследования – всё, что было необходимо аристократии для полного счастья. То, что именно имущество, а не капитал или знания, передавались по наследству, было главной опорой правящего класса. Имущество и фамильные титулы были неразрывно связаны; они наследовались «пакетом» и вместе образовывали наиболее важный символ феодализма – фамильный герб, наделенный исключительно высоким общественным статусом.

Вопрос о существовании Бога – достояние скорее современности. Однако правящие классы всегда воспринимали

невидимость Бога как проблему. Его отсутствие на земле создавало некий вакуум, который просто должен был заполнить Его наместник, который и решал бы текущие вопросы. Всегда существовала потребность в верховном арбитре, чей совет помогал бы выпутываться из сложных ситуаций морального или экзистенциального толка. Поэтому есть ли Бог на самом деле или нет, не так уж важно, пока есть кто-то, кто может его замещать здесь, на месте. Самое главное для аристократии, чтобы этот «кто-то» был правильного происхождения и служил ее интересам. Так появились короли. Им приписывались божественные качества, начиная еще с египетских фараонов, которые, как известно, потому были вынуждены жениться на собственных сестрах. Положение монарха не может и не должно подвергаться сомнению, поскольку, как и право наследования, это один из краеугольных камней религиозного учения. В этом смысле, монархи и аристократы вели весьма сбалансированное существование в атмосфере юридического и церковного террора. Никакие отклонения не допускались; ни одна из сторон не имела возможности поколебать привилегии другой без немедленного возникновения встречной угрозы ее собственным интересам.

Сбалансированный террор служил целям подавления открытой конфронтации, но одновременно провоцировал непрекращающуюся холодную войну. Пока казалось, что внешние угрозы под контролем, существовал постоянный,

тлеющий конфликт между монархом и аристократией. Монарх делал все возможное, чтобы разделить на части многоголовую аристократию и держать ее в узде, при этом понимая, что чрезмерное ослабление ноблей опасно для него самого, ибо создаст условия для крестьянских волнений. Со своей стороны, аристократия стремилась к укреплению внутреннего единства, чтобы контролировать, насколько возможно, монарха, ресурсы которого были относительно слабы. Хотя совокупная власть аристократии была огромна, по части влияния на монарха она имела ограничения. Пришлось смириться с тем, что она не может возводить на трон и смещать королей по своему усмотрению, поскольку такие действия подрывали бы веру в божественное происхождение их собственного права наследования земель и ослабили бы позиции самой аристократии. Поэтому пришлось признать, что наследование трона, как и наследование земель, было санкционировано Богом, что, в свою очередь, укрепляло позицию монарха в конфликте с аристократией. Это объясняет постепенное увеличение мощи европейских монархий, начиная с позднего средневековья, в их противостоянии с аристократией, вследствие чего наследование трона стало напоминать времена египетских фараонов или императоров Великой Римской Империи.

Главное требование к мировоззренческой системе, которая вышла победившей в дарвинистской войне мемов за религиозную власть при феодализме: в ее основе должна сто-

ять иерархия авторитарной власти. Это означало, что монарх мог возвышаться над аристократией, а та – над классом крестьян. Бог стоял над Церковью, а Церковь возвышалась над паствой. Неограниченная законодательная, исполнительная и судебная власть монарха была средством для удержания аристократии в повиновении. Если бы его загнали в угол, единственное, что ему нужно было бы сделать, – это отобрать у аристократии монополию на применение силы, дав крестьянам законное право носить оружие. В случае открытого столкновения это давало крестьянству шанс низложить аристократию, и в качестве награды получить от короля аристократические привилегии, включая наследственное землевладение.

Таковы были политические реалии феодализма. Можно заметить, что едва дворцовые перевороты и крестьянские восстания сходили на нет, история всегда воспроизводила ту же самую иерархию, с монархом во главе аристократии, аристократией во главе крестьян – но все это до тех только пор, пока «вечные ценности» общества были связаны с сельскохозяйственным производством. Права крестьян сводились к мелочам в несущественных и периферийных областях жизни, которые аристократию попросту не интересовали. И при капитализме доведенные до крайней нищеты массы народа довольствовались лишь малыми крохами тех прав и благ, которые не были востребованы правящим классом.

Как аристократия нуждалась в монархе на вершине иерар-

хии власти в качестве представителя Бога на земле, так и буржуазия, правящий класс капитализма, нуждалась в некоем представителе человека, этого Бога капиталистической эры. На вершине капиталистической иерархии таким носителем абсолютной ответственности за процветание и благополучие человека (в роли правопреемника Бога) выступило государство. Подобно тому, как идея Бога почилла и была заменена идеей человека, личности, так и идея монархии скончалась или же была низведена до чисто декоративной функции, а её место заняло государство.

Не меньше, чем аристократия в своё время, буржуазия понимала необходимость заполнения пустоты, вызванной отсутствием физического воплощения Бога. Этот новый Бог, Человек с большой буквы, тоже не имел осязаемой формы, будучи больше абстракцией, представлением идеи, призраком – вот почему было жизненно важно найти более или менее достойного его представителя, на которого можно было бы возложить ответственность за соблюдение интересов нового правящего класса. Таким представителем в итоге стало государство, в широком смысле, и парламент, в частном выражении. Воистину, это был глас народа. Масштабный исторический дворцовый переворот выразился в замене монарха (то есть личности-законодателя, представляющего вымышленный коллектив) на парламент (коллектив-законодатель, представляющий вымышленную личность). Капитализм вытеснил и подчинил феодализм, смена парадигмы стала свер-

шившимся фактом.

Христианство было религией, которая больше других подходила аристократии в качестве инструмента управления и потому победила на заре феодализма в меметической войне с другими системами ценностей. Аналогично при переходе от феодализма к капитализму в войне множества идеологических мутаций того времени постепенно выкристаллизовался свой победитель. Новая парадигма требовала нового мифа, и в ее распоряжении был гуманизм, готовый заменить одну вымышленную фигуру на другую (Бога на человека). Гуманизм оказался наилучшим образом приспособлен к новым обстоятельствам и стал для буржуазии превосходным инструментом в деле удержания в подчинении нового класса – рабочих.

Как прежде христианство, гуманизм был верой, представлявшей себя как «истину новой эпохи». После того, как позиции Бога были существенно поколеблены, человек занял главенствующее положение на вершине иерархии ценностей. Язык, способность вида *homo sapiens* думать и выражать свои мысли словесно, теперь волшебным образом доступная в массовых публикациях, был отправной точкой для новой вымышленной структуры, в которой человек был вознесен на вершину цивилизации и встал над всеми земными тварями. Но *homo sapiens* не был человеком по рождению (потому что это означало бы, что гуманизм – очень слабый инструмент власти), а должен был становиться таковым после дол-

того процесса образования и формирования личности, требующего колоссальных усилий. Из соображений безопасности предполагалось, что проект будет длиться на протяжении всей жизни. Государство было назначено куратором проекта, а рынок – универсальным мерилom успеха.

Этим объясняется создание больниц, тюрем и образовательных учреждений, а также различных политических и академических институтов. Их задачей было формировать идеал человека и корректировать нежелательные отклонения от идеального «естественного» состояния. Капитализм продемонстрировал изумительные способности к инновациям: появлялись все новые и новые заболевания, виды преступлений и другие отклонения от нормы, каждое из которых естественно требовало вмешательства и устранения. Система была практична настолько, что каждая новая болезнь немедленно создавала новый рынок для людей в белых халатах и других экспертов, наделяя их растущей властью.

Идеальным гражданином был тот, кто находил в себе достаточно сил, чтобы постоянно стремиться к достижению всё более размытого идеала человека, тот, кто был одержим идеей жизни правильно, в соответствии с советами экспертов. Все это нацелено на создание максимально эффективного в течение рабочих часов производителя и в свободное от работы время – ненасытного потребителя; гражданина, который каждую минуту своего бодрствования занимается тем, что без усталости крутит колеса капитализма.

Наиболее способные и независимо мыслящие представители низшего класса при феодализме обезвреживались путем вовлечения их в бесконечные теологические споры в стенах монастырей, так же и наиболее одаренные дети рабочих получали возможность сесть за школьные скамьи, после чего их будущее целиком и полностью ограничивалось рамками социальных наук. Проект достиг кульминации в XX столетии с появлением новомодной идеи «самореализации», что привело гуманизм к его последней стадии, при которой каждый гражданин должен был стать собственным всевидящим полисменом-моралистом. Здесь верховная идеология капитализма достигла своей высшей точки. Это объясняет, почему буржуазия с таким неистовым рвением защищала священный гуманизм от всех нападков, реальных и вымышленных, и почему он был поднят до уровня вечной аксиомы, религии.

Практически каждая политическая партия, от республиканской в США до коммунистической в Восточной Германии, определила себя как гуманистическую. Все та же старая история: создать идеологию, которая узаконит власть, чтобы она выглядела «естественно». Это просто вопрос положения буржуазии в качестве правящего класса капиталистического общества и того, как она связана с гуманизмом, в качестве верховной идеологии. В этом свете, капиталистическое общество выглядит не как демократия в ее реальном смысле, а скорее как диктатура гуманизма.

Буржуазия, как любая правящая элита, стремилась к социальной стабильности – неограниченной власти и общественному климату, который пресекает появление какого-либо альтернативного центра власти. Как аристократия стремилась сохранять существующий порядок вещей, новый правящий класс старался создать закрытую социальную систему, и как феодализму удавалось сглаживать всевозможные внутренние противоречия, невероятные напряжения внутри капиталистического общества никогда не представляли серьезной опасности для правящей элиты. Только когда фундаментальные технологические предпосылки претерпели радикальные изменения, система была серьезно затронута. Настал момент очередного сдвига парадигмы.

Поскольку капиталистическая система не могла функционировать, совершенно не замечая рабочих масс, поддержание легитимности государственного устройства возлагалось на парламент, призванный представлять и выражать волю народа. Эта франшиза была необходима, чтобы избежать революции. Идея о том, что именно парламент выражает истинную волю народа, была возведена в ранг неоспоримой аксиомы. Во взаимоотношениях между угнетателями и угнетенными был установлен баланс; чтобы укрепить свою власть, буржуазия постаралась создать взаимную зависимость между собой и пролетариатом.

С момента, когда государство заняло своё место среди других участников капиталистического рынка, его суще-

ствование целиком и полностью зависело от налогов, собираемых с труда и капитала, парламент оказался в подчинении у капиталистической системы и был не в состоянии оспаривать ее фундаментальные принципы, не подвергая риску собственную деятельность. Сотрудничество оплачивалось деньгами и привилегиями. Только истинные защитники государства имели шанс пробиться в парламент, потому что любой другой вариант был невозможен по определению. Те, кого выбрали, могли называть себя левыми или правыми, но это было относительно неважно, поскольку парламентские дебаты никогда не затрагивали фундаментальную политическую идею буржуазии: этатизм. Правительства могли менять свою политическую окраску в зависимости от времени года, но хватка, с которой правящая элита держалась за власть, не ослабевала.

Политические идеологии, характерные для буржуазного парламентаризма, представляют собой лишь разные нюансы одной и той же верховной идеологии – этатизма, выражающего фундаментальную веру в проект «Человек», различаясь в трактовке исторической роли государства в реализации этого проекта. Чтобы реализовывать свои властные полномочия тихо и мирно, в интересах этатизма было важно создавать впечатление, что все мыслимые политические силы находятся под крышей парламентаризма.

Это то же, что делал правящий класс при феодализме: привлекал потенциальных нарушителей порядка предложе-

нием выгодных позиций поближе к кормушке. Чтобы симулировать избыток идей и подлинные разногласия, любые, даже самые незначительные риторические различия в партийных программах раздувались до невозможности. А дело в том, чтобы создавать как можно больше шума, чтобы сохранять неизменной монополию этатистов на общественную арену.

Как и любой другой коллектив, парламент базируется на общности интересов его членов, хотя в то же время старается скрывать этот важный факт. Сильное государство клеймит все, не являющееся этатизмом или восхвалением сильного государства, как экстремизм, потому что это часть игры. При этом наличие противоречий в самом лагере государственников необходимо, чтобы скрыть тот факт, что все эти группировки внутри властных структур на самом деле сотрудничают между собой для предотвращения появления реальной оппозиции. Все они – консерваторы, либералы и социалисты, с их тоталитарными или демократическими убеждениями – являются приверженцами одной и той же базовой идеи – сильное государство необходимо для выживания хорошего, «естественного» общества. В течение многих лет политические партии успешно маневрируют с целью контроля общественного мнения. Но с рождением в 1970-е информационного общества ситуация коренным образом изменилась.

Наиболее характерным признаком перехода от капитализ-

ма к информационному обществу является общая медиализация. До прорыва интерактивных методов коммуникации в начале 1990-х средства массовой информации имели структуру, характерную для позднего капитализма. Главные СМИ той эпохи, радио и телевидение, в США в олигополии частного бизнеса, в Европе в форме государственной телевизионной монополии, были идеальными инструментами буржуазных институтов, предназначенных для передачи сообщений народу в такой форме, которая не предусматривала их обсуждения.

Но с плюрализацией средств массовой информации – в основном, в результате роста рекламной индустрии, обращавшейся к большему числу специализированных рыночных сегментов – СМИ постепенно освободились от необходимости играть в соответствии с пропагандой этатизма. Средства массовой информации зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры, и стали все больше приобретать характеристики парадигмы информационного общества и его правящего класса – нетократии.

По мере ускорения медиализации и усиления влияния СМИ представители растущей индустрии медиа и развлечений стали все больше нападать на те политические группы, которые, по их мнению, препятствовали независимости СМИ и увеличению их власти. И поскольку масс-медиа стремились в первую очередь избавиться от давления политиков,

избранных народом в соответствии с принципом парламентаризма, то они и сделали этих самых политиков главной мишенью своей атаки. Стратегия СМИ в борьбе с государством базировалась на выдумке, что в действительности доверие электората к своим избранникам было весьма незначительным.

Центральным звеном этого общественного мифа служит идея о том, что в эпоху позднего капитализма общество расценивает выбранных политиков как группу коррумпированных дельцов, устраивающих свое благополучие за счет избирателей и налогоплательщиков, сознательно пренебрегающих своими обязанностями, для исполнения которых они, собственно, были выбраны.

У каждого народа своя версия этого мифа, но в любой стране политики воспринимаются как люди, которые надругаются над самыми святыми ценностями данной культуры. Посему американские политики – это как правило неверные мужья, в то время, как их европейские собратья в основном уличаются в махинациях с кредитными карточками, подтасовке результатов голосования и уклонении от уплаты налогов. Так что, если верить средствам массовой информации, у граждан всего мира нет ни малейших оснований доверять политикам.

Проблема в том, что такая стратегия масс-медиа есть не более чем исполняющееся пророчество. Постоянно твердя об этом предполагаемом презрении к политикам, СМИ

произвели на свет медиа-феномен, который, самым фактом своего существования, подогревает спрос на шокирующие репортажи. Конкретное содержание всех этих репортажей ограничивается фактом, что участие в выборах в западных демократиях (начиная с 1960-х годов) постепенно падало. Презрение к политикам оказалось возведено в ранг непреложной истины, аксиомы общественного сознания. Политик или медиа-представитель, которые осмеливаются утверждать обратное, рассматриваются как еретики, которые должны быть обезврежены, коль скоро они препятствуют всё возрастающим амбициям масс-медиа.

Нетрудно заметить, что общественное мнение и законы в равной степени сконструированы и сформированы средствами массовой информации. Политики стали производителями, избиратели – потребителями, а сами СМИ присвоили себе роль кураторов политической арены, и, таким образом, осуществляют тотальный контроль над политическими процессами в информационном обществе, в полном соответствии с принципами нетократии.

Все, что имеет отношение к политике, теперь проходит на условиях СМИ. Прежние носители стандартов выборной демократии нынче совершенно беспомощны и только и могут, что играть по правилам, которые устанавливают для них их новые властители. Политическое событие, которое не привлекает внимание СМИ, не является таковым по определению. Это в буквальном смысле означает, что всякий поли-

тик теперь не более чем участник постановки, сценарий которой написан в коридорах медиа-империй, при этом недоверие и презрение к политикам есть основная идея этого аттракциона. То, что никто не подвергает этого сомнению, еще не означает, что это на самом деле так. Просто такая «правда» является нынче популярной и полезной в тех кругах, чьи интересы она обслуживает, – нетократических СМИ, захвативших командные высоты общественной жизни.

Предположим, что презрение к политикам, в его общепринятой форме, действительно, существует. Оно должно исчезать, или, по крайней мере, значительно уменьшаться каждый раз, когда предположительно коррумпированный политик уличен, подвергнут порицанию и заменен на другого. Это будет просто вопрос выбора правильного кандидата на правильную позицию. Но этого не происходит. Ведь число людей, приходящих к урнам для голосования, не зависит от того, предстоит ли им выбирать среди новых, незапятнанных скандалами кандидатов, или среди все тех же до боли знакомых и надоевших персонажей.

Таким образом, это предполагаемое презрение не направлено на какого-то конкретного политика, так что презрение к политикам не может быть причиной всё уменьшающегося числа избирателей. Видимо, объяснение в чем-то другом. Можно предположить, что презрение к политикам – не более чем миф, а люди, которые создали и поддерживают этот миф, возможно, заинтересованы в том, чтобы он выжил и ка-

зался «естественным». Это приводит нас к значительно более интересному вопросу, нежели уровень презрения избирателей по отношению к политикам, и это вопрос о том, как этот миф появился и чьим интересам служит его распространение?

Все дело во власти. Если сравнить уровень активности избирателей на выборах в различные властные структуры, станет очевидной определенная закономерность. Существует прямая зависимость между уровнем власти и активностью избирателей: чем больший объем власти на кону или, другими словами, чем большее количество полномочий ассоциируется с конкретной позицией или органом, тем сильнее интерес избирателей. Это означает, что кризис демократии не связан непосредственно с общей потерей доверия к деятельности политиков как таковой, скорее он сопровождается все большей озабоченностью по поводу их растущей беспомощности. Молчаливый протест все большего числа граждан, не отрывающихся от дивана, чтобы голосовать, вызван не злоупотреблениями властью, а неспособностью её применять.

Этот факт, к сожалению, не особенно «сексуален» и не укладывается в законы жанра медиа-драматургии; он не обеспечит громких заголовков и не предоставит аргументы для популистских словопрений и взаимного обливания грязью. И – более того – он не служит интересам средств массовой информации. Так что, вместо этого, на нас обрушивается непрекращающийся поток пропаганды, рассказывающей

о праведном гневе народных масс в отношении коррумпированных властей, что приводит только к еще большему ослаблению позиций политиков, что в свою очередь заканчивается очередным раундом публичной порки.

Этот процесс развивается по схеме порочного круга, неизбежной кульминацией которого станет гибель института выборной демократии, полнейшая беспомощность политиков и реальная диктатура средств массовой информации. К тому же процесс усиливается наличием обратной связи. С помощью опросов общественного мнения, вопросы для которых, очевидно, сформулированы СМИ так, чтобы это отвечало в первую очередь их собственным интересам, население узнает о том, что оно думает, и думать о чем является «естественным». Затем СМИ демонстрируют, как «гибкие» политики присягают на верность этой «общественной» норме или, по крайней мере, делают вид, что присягают, и так процесс повторяется снова, и снова, и снова, *ad infinitum*. Исследования, проводимые СМИ на самом глубинном уровне, – не более, чем исследования мнения самих СМИ по тому или иному вопросу. Статистические методы, призванные выявлять общественное мнение, на самом деле являются инструментом формирования этого мнения.

Полнейшая абсурдность всего этого шоу становится очевидной, когда СМИ начинают оценивать кандидатов на те или иные посты, руководствуясь исключительно собственными внутренними критериями целесообразности. Квали-

фикация и компетентность кандидатов становятся второстепенными факторами; главным является, «хорошо ли смотрится» тот или иной кандидат.

Главное соображение — насколько полезен кандидат, с драматургической точки зрения, или, другими словами, насколько он подходит, точки зрения СМИ, на роль «жертвенного животного» в этой постоянной погоне СМИ за новыми сенсациями и скандалами с громкими заголовками новостей. Тот факт, что уже на начальной стадии процесса прежде всего обращается внимание на телегеничность (во всех смыслах) кандидатов, иллюстрирует стремление СМИ не отражать ход политического процесса, но активно писать его сценарий и продюсировать.

Журналисты, пишущие о политике, интересуются не столько политикой, сколько собственно информационной драматургией. Политические вопросы зачастую слишком сложны, чтобы в подробностях обсуждать их на телевидении, поэтому они и находятся обычно на обочине внимания СМИ, освобождая первые полосы газет и «прайм-тайм» для искусственных дискуссий, риторических вопросов и личной жизни политиков. Политики охотно допускают потребителей СМИ в интимные сферы, что еще им остается делать? Отказаться будет равносильно собственноручному вычеркиванию себя из списка участников этой политической мыльной оперы. Грань между политикой и сплетнями стирается все больше. Политики новой эпохи сильно смахивают на ар-

тистов кабаре, чьей специализацией является то, что американский социолог Ричард Сеннетт назвал «духовным стриптизом». Другими словами, они создают политический капитал на собственной личной жизни. Интимность сопровождается заголовками, которые привлекают внимание.

Последствия этого растущего феномена таковы, что эмоции официальных лиц по тому или иному поводу оказываются в центре внимания медиа, а по-настоящему серьезные проблемы, требующие времени и осмысления, остаются без внимания. Все увеличивающаяся близость также привносит существенный риск ответного удара СМИ. Владение мастерством правильного предъявления себя публике стало одним из важнейших факторов политического успеха.

Процесс, таким образом, создается, управляется, освещается и исследуется одной и той же группой – масс-медиа – и эта система не терпит и не допускает никакого наблюдения, анализа или критики извне. В этих условиях становится ясно, что цель этого процесса – служить интересам масс-медиа.

Следует помнить, что те, кто занимает властные позиции внутри медиа-империй, не назначаются народом (интересы которого они беспрестанно отстаивают), в отличие от политиков – по крайней мере, на строго формальном уровне. Медиа-руководители избираются внутри собственных кругов, тщательно отбираются в дружеских группах и получают задание обслуживать закрытые ложи и гильдии нетократии. В сердцевине самого настоящего кризиса демократии находит-

ся нетократическое представление о тайной, невидимой власти.

Но поскольку мы в переходной фазе, в старых мифах еще есть жизнь. Буржуазия продолжает культивировать идею бессмертия выборной демократии, и, похоже, коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе в немалой степени льёт воду на эту мельницу. Американский социолог Фрэнсис Фукуяма утверждает, что исторический процесс достиг своей конечной точки в форме либеральной демократии, но в то же время он не может избежать ницшеанского сомнения: разве равенство и стабильность, внезапно появляющееся по торжественным случаям, не подразумевают, в действительности, стагнацию и загнивание?

Миф о выборной демократии содержит идею превосходства гражданского общества, обратной стороной которой является наложение табу на тему политической апатии. Это нельзя обсуждать! Молчание окутывает тот факт, что владеющие избирательным правом, за которое боролись и умирали первые защитники демократии, всё реже направляют свои стопы на избирательные участки, по той простой причине, что политики всё более беспомощны на арене борьбы хорошо организованных групп интересов.

Очевидно, что СМИ нельзя винить (да они и не могут принять это обвинение) за это вопиющее отсутствие интереса людей к политике: как могут быть не правы СМИ, они и есть здесь суд и прокурор в одном лице! Так же невозмож-

но обвинить в чем-либо и потребителей этого продукта – телезрителей, которых это шоу развлекает – они просто часть аудитории, которая растёт, потому что должна расти! А вот «наивные и беззащитные» политики во всём и виноваты. Но сама политика должна быть в хорошей форме. Таков этот сознательно сконструированный парадокс, который нетократия использует, чтобы окончательно добить смертельно раненый институт государства.

Старые добрые мифы либерализма, выборной демократии и гражданского общества базируются на ошибочном утверждении, что эти институты раз и навсегда, вне всяких сомнений являются наилучшими из возможных структур, которые нельзя ни оспаривать, ни пересматривать. Едва ли можно заблуждаться сильнее! Странно и трагично, что эти же самые мифы удерживают влияние в обществе, которое находится в самом центре урагана перемен.

Развитие информационного общества радикально повлияло на условия развития общества и демократии. Еще в 1840-е годы, когда институт гражданского общества начал утверждаться в качестве важнейшего условия функционирования демократии, французский социолог Алексис де Токвиль с энтузиазмом сообщал в Европу, что американская демократия базируется на определенной системе взаимодействия заинтересованных слоев общества, то есть на сети.

Ключевое слово здесь – сеть. Когда мы вступаем в новую фазу исторического развития, при которой социальные се-

ти перестают играть вспомогательную роль, а вместо этого доминируют в общественном развитии, то его предпосылки существенно меняются. Гражданское общество Токвилля, сеть заинтересованных групп, реализовало свой потенциал благодаря информационным технологиям и превратилось в ненасытного кукушонка, паразита на теле общества, безжалостного многоголового монстра, в тюремщика и палача выборной демократии.

В США эта сеть заинтересованных групп (лоббисты), по крайней мере, самостоятельно финансируют свою деятельность. В Европе же они финансируются через налоговые механизмы, тем самым институтом, против которого они ведут борьбу, – государством. Если мы проанализируем эту систему, с точки зрения информационного общества, то увидим, что это новый поработочный класс спонсирует лоббистские группы нового правящего класса через систему налогообложения.

В результате, институт демократии подвергается атакам со всех сторон. Быстрое развитие технологий сделало влияние сетей значительно более мощным, а их способность оказывать политическое влияние достигла той степени, при которой они практически захватили и контролируют весь политический процесс. Забудьте идею «один человек – один голос»! Теперь значение имеет то, приняты ли вы в «нужную» сеть, чтобы иметь возможность влиять на важные политические решения. Нынешний принцип: «один член сети

— один голос».

Мышечная сила лоббистских групп и всякого рода неправительственных организаций (НПО) растет все быстрее, рабочие методы деятельности этих групп прекрасно соответствуют всеобщей информатизации общества, которая произвела на свет несвященный союз групп влияния и всемогущих масс-медиа. Едва кто-нибудь из маргинализированного политического класса пытается продвинуть какой-то вопрос в определенном направлении, те лоббистские группы и НПО, чьи интересы могут быть затронуты, мгновенно иницируют общественное мнение, умело руководимую массовку, которая, если необходимо, атакует неудобный проект во всех возможных смыслах.

Гринпис и профсоюз конторских работников, ассоциация юристов и список адресов почтовой рассылки — все идет в ход, чтобы озабоченность и возмущение могли быть хорошо организованы и умело направлены на достижение необходимого результата. Время от времени политический процесс парализует, и так будет до тех пор, пока политики окончательно не перейдут под контроль групп влияния, проводя в жизнь их решения и получая взамен защиту от нападков прессы и телевидения.

Единственная уцелевшая функция политиков будет чисто церемониальной: принимать участие в телевизионных шоу (a Punch and Judy show), ставить подписи под документами, которые они не то что не писали, но даже и не понимают на

уровне, большем, нежели громкие лозунги. В капиталистическом обществе отлученные от власти монархи вынуждены ограничиваться разрезанием голубой ленточки при открытии торговых центров. Подобным образом при нетократии смысл существования политиков сведется к использованию нетократами их имен для оглашения решений, которые были приняты людьми, на которых политики не имеют ни малейшего влияния. Но обязательно ли этот переход к политической структуре информационного общества означает, что принципы демократии мертвы?

Бурное развитие интернета вселило во многих людей надежду на ренессанс демократии. Благодаря тому, что с помощью технологических нововведений граждане могут – на работе ли, дома, в библиотеке и прочее – мгновенно выразить свою позицию по тому или иному политическому вопросу, сеть могла бы стать неким виртуальным парламентом, как на местном, так и на национальном уровне. Интернет покончит с существованием избранников-посредников и потому выступит не только как спаситель демократии перед угрозой медиа-тирании, но и как воплощение либеральной утопии о всеобъемлющей демократии.

Это красивая идея. Проблема в том, что сеть не делает скидки на местоположение и не признает географических границ. Ценности, вокруг которых люди концентрировались и принимали решения при капитализме, базировались на предпосылках, непосредственно связанных со старой пара-

дигмой, ныне совершенно не актуальной. Это означает, что фундаментальное условие для сетевой демократии – то, что группа людей, обсуждающая проблемы и принимающая решения, также заинтересована в участии в политическом процессе в пределах ограниченной географической территории, например, страны – больше не может быть выполнено. Почему, собственно, люди в сети должны ограничивать себя какими-либо национальными интересами, если сама идея нации потерпела крах?

Национальное государство есть фундаментальная часть капиталистической парадигмы и поэтому не пользуется доверием в информационном обществе, в котором общение строится вокруг племенной общности и субкультур, основанных на совершенно других принципах. Вот почему переходный к информационному обществу период войны между нациями практически прекратились и уступили место конфликтам между заинтересованными группами, такими как компании и группы давления. Люди больше не готовы приносить свои жизни на алтарь нации, так же, как при капитализме больше не были намерены жертвовать собой во имя феодальных ценностей, Бога и монархии. Мечта о бескровной войне, так лелеемая при позднем капитализме (война в Заливе, конфликт в Косово), должна поэтому рассматриваться как прямой результат политического мнения, согласно которому защита нации или демократии более не стоит жертв. Разница между голливудскими боевиками и пост-мо-

дернистской войной неразличима. Война приемлема, только когда сведена до уровня видеоигры с predetermined победой «хороших парней». Нация, таким образом, низводится до сценической декорации.

В виртуальном мире важны виртуальные общности, что означает необходимость конструирования новой системы участия в политическом процессе. Парламентские выборы, конечно, могут проводиться через интернет, когда гражданин, имеющий избирательное право, сможет просто вводить свой персональный код в компьютер, а не идти на избирательный участок, но тогда исчезнет сама основа демократии – широкие дебаты, в которых все заинтересованные стороны в пределах географической области проясняют позиции по какому-то вопросу.

В сети каждый ищет себе подобных и создает вместе с ними новое виртуальное пространство, свободное от конфликтов внутри и по поводу пространства географического. Никто ведь не занимается поиском людей, с которыми у него нет ничего общего! По иронии судьбы, возможности, предлагаемые сетью для бесконтактного поиска себе подобных, делают интернет бесполезным в качестве инструмента защиты демократии.

Политическая структура, формирующаяся в сети, принципиально отличается от капиталистической демократии. Присущая нетократам способность менять среду обитания, как только она перестает их устраивать, создает предпосыл-

ки для роста совершенно новой и исключительно сложной политической системы: плюрархии.

Плюрархия есть политическая система, при которой каждый отдельный участник решает сам за себя, но не имеет способности и возможности принимать решения за других. Таким образом, фундаментальный принцип демократии, при котором решения, в случае возникновения разногласий, принимаются большинством голосов, становится невозможным. В сети каждый сам себе господин, хорошо это или плохо. Это значит, что все коллективные интересы, включая поддержание закона и порядка, будут находиться под серьезным давлением.

Чистая плюрархия означает, что становится невозможно сформулировать условия для существования системы на основе законов. И разница между тем, что легально, а что криминально, перестает существовать. Это ведет к созданию общества, о котором практически нельзя составить целостное суждение, в котором все важные политические решения принимаются внутри закрытых, «эксклюзивных», групп, куда нет доступа постороннему.

Уже при позднем капитализме юридическая система и национальные банки Европы и Северной Америки ушли со сцены демократии и превратились в ведомые экспертами институты, подчиненные властителям нового типа: гуру юриспруденции и пророкам в области экономики. Политические решения более не принимаются посредством выборов, ни

в парламенте, ни даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей, которые, как и члены средневековых гильдий, выбираются из среды себе подобных по уровню влияния.

Нетократические принципы приходят на смену этатизму. Проверки на прочность заменяют идеологии. Новый правящий класс, за чьим рождением мы наблюдаем, более не заинтересован в демократии, кроме как разве что в форме ностальгической диковинки. Идеологический аппарат нетократии сейчас больше озабочен тем, как сделать, чтобы все происходящие перемены выглядели «естественными».

Информация и пропаганда

Вначале было не слово. Слово появилось позднее и в течение длительного времени его значения отличались от тех, которые мы используем сегодня. Латинское слово *informatio* имеет два значения. Первое: изображение или обозначение, второе – объяснение, интерпретация. Так что термин имеет отношение к интеллекту и нашему концептуальному аппарату. Когда Цицерон использует глагол *informare*, он обозначает им сложную умственную деятельность: придавать чему-либо форму, наполнять материю жизнью путем надления ее активным восприятием, одновременно облагораживая её. Форма и материя рассматривались в диалектической противоположности одного другому, но могли обрести единство в акте творения. По формуле Аристотеля, форма + материя = жизнь. Всё это очень интересовало мыслителей прошлого, но едва ли имело прямое отношение к экономике или обществу в целом и вряд ли могло касаться простых людей. Английское существительное *information* появилось в Средние века, но еще много столетий не привлекало широкого внимания.

Незаметно произошло изменение смысла слова, что, впрочем, не означало, что оно стало более употребительным или значимым, скорее наоборот. В первой половине XX века, когда капитализм был в самом расцвете, под информа-

цией понималось нечто, что мы искали в справочниках или библиотечных каталогах, то есть более или менее интересные факты и подробности о том, о сём. Это могли быть цифры, имена, адреса, даты и т. п. Информация была на попечении рядовых служащих или заштатных отделов больших компаний. Не существовало еще понятий «информационная теория» или «информационные технологии», да и карьера в области информационного менеджмента не была чем-то, чем можно похвастаться.

С тех пор смысл слова и его статус невероятным образом изменились. Информация, ранее рассматривавшаяся как скучный, но необходимый для функционирования экономики предмет, теперь едва ли не основной продукт этой самой экономики. Но это еще не все. Теория информации обосновалась в виде интеллектуальной мета-структуры, фундаментальные идеи которой глубоко проникли в самое основание всех важнейших наук и в большой степени определяют взгляд на мир, формирующийся в рамках новой парадигмы.

Технологическая информация сегодня рассматривается как самая суть общества, подобно тому, как генетическая информация является ключом к биологии. Экономика вращается вокруг информации. Да и жизнь в целом есть гигантский, бесконечно сложный и совершенный процесс обработки информации, которая хранится внутри нас и передается от одного к другому хрупкому индивиду.

Смещение значения слова информация началось в США в 1950-е годы в связи с новым витком развития, вызванным появлением первых компьютеров. Математик Норберт Винер тогда предсказывал вторую индустриальную революцию, которую осуществляют «думающие» машины, способные подобно человеку накапливать опыт и извлекать уроки из прошлого. Главная идея здесь – обратная связь: машина воспринимает результаты своей работы как еще один вид данных и делает необходимое сама. Винер рассматривал обратную связь, и «умную» обработку информации в качестве фундаментальной сердцевины жизни вообще.

Эти идеи, вкупе с растущими возможностями компьютеров, оказали существенное влияние на научный мир и позднее – на самые широкие слои населения. Они привели к появлению новой сферы научных исследований на стыке математики, лингвистики, электроники и философии, известной ныне как искусственный интеллект.

Математическая теория информации оформила окончательную трансформацию термина, который теперь означает количественную сторону коммуникативного обмена. Раньше информация сама по себе не являлась гарантией качества – она могла быть несущественной или не имеющей отношения к делу, но теперь это слово больше не указывает на то, является ли информация бессмыслицей или вымыслом. Информация – это то, что может быть переведено в Цифровой код и передано от источника к получателю с помощью сред-

ства связи. С точки зрения теории информации, нет разницы между научной формулой, колыбельной песенкой и набором лживых предвыборных обещаний.

В том, что науки часто приписывают специальные значения общеупотребительным словам, нет ничего нового; это происходит, например, в физике, также, как и в психологии, но обычно это не имеет существенного влияния на общее значение слов, поскольку среда, в которой эти термины используются, является исключительно научной. Другое дело с информацией, поскольку именно с этим словом мы нынче связываем собственно изменение парадигмы.

Сама информация все более становится товаром. Тот факт, что теория информации имела такой успех и нашла целый ряд эффективных и прибыльных применений, знаменует собой проникновение этого понятия во многие сферы жизни, будь то журналистика, общественные объединения и т. д. Теория информации и экономика заинтересованы в информации в больших количествах. И чем больше, тем лучше.

Это означает, в фокусе внимания оказалась технология сама по себе, способность хранить и передавать информацию, в то время как её содержание вызывает относительно небольшой интерес. Такова природа зверя: каждый, кто занимается теорией информации, в первую очередь озабочен процессом обмена информацией и потому упускает возможность познакомиться с ее содержанием, которое к тому же

с трудом поддается измерению и подведению под какую-то теорию.

Такое происходит, когда этот взгляд на вещи становится преобладающим, и начинает казаться, что технологические усовершенствования имеют потенциал для разрешения всех общественных и культурных конфликтов нашего времени. Решение проблемы – в сбрасывании на нее информации. И именно это представление является предметом слепой веры экзальтированных энтузиастов-вожачков нового правящего класса.

Эта заикленность на технологии, то есть на средствах связи, по-своему совершенно понятна. Как выразился Маршалл МакЛюен, «посредник и есть послание» (The medium is the message.). Изменения информационного менеджмента и развитие коммуникационных технологий являются главными причинами социального и культурного прогресса. Без усвоения этого нельзя понять развитие общества. Но информация и знание – не одно и то же. И по мере того, как информация становится ключевым товаром новой экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов, все большую ценность приобретает существенное и эксклюзивное знание. И в отличие от невежественных энтузиастов капитализма, нарождающаяся нетократия прекрасно это осознает.

Компьютерные сети, как и любая доминирующая технология своего времени, порождают своих победителей и про-

игравших. Успех победителей базируется, как выразился наставник МакЛюена и пионер современных исследований в области коммуникаций Гарольд Иннис, на монополии на знание. Те, кто контролирует новые технологии и их применение, быстро накапливают значительную власть, что немедленно приводит к консолидации этой вновь сформированной группы и мощному импульсу к защите ею своих интересов.

По понятным причинам трудно ожидать, что у этой группы появится большое желание сделать свое эксклюзивное знание широко доступным, поскольку это обесценит и ее власть, и привилегии. Одним из способов, с помощью которых победители манипулируют общественным сознанием, являются их заявления, что никаких победителей и проигравших на самом деле не существует, а блага, которые несет новая технология, будут равномерно и справедливо распределены между всеми. Тут-то и пригодятся все эти ораторы-энтузиасты, которые в большинстве своем, сами того не подозревая, являются проигравшими.

Идея Винера о том, что управление информацией есть величайшее таинство и суть жизни, получило наилучшее из возможных подтверждений в 1953 году, когда биологи Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик «взломали» генетический код и научились «читать» спиралеобразный текст молекулы ДНК. Новая биология полностью приняла воззрения и терминологию теории информации, невозможно представить

существования биологии без прорыва к новой информационно-технологической парадигме. Мы знаем теперь, что синтез протеина есть исключительно показательный пример передачи информации, а молекула ДНК – не что иное, как совершенный мини-компьютер.

Сотрудничество двух научных дисциплин имело положительные следствия: рост их влияния в научном мире и повышение их статуса в глазах общественности. Выгоды были взаимными. Биология, марширующая в светлое будущее, оплатила свои долги теории информации с процентами, наделив ее некой мистической, почти божественной аурой – отражением сокровенных тайн бытия. В результате метафизика новой парадигмы стала приобретать более четкие очертания: прежний механический мир, открытый Ньютоном, созданный и более или менее регулярно обслуживаемый часовщиком Богом, теперь уступил место миру цифровой информации, созданному виртуальным программистом.

Благодаря этому информация, в новом смысле, в мире с поп-культурным восприятием стала наделяться почти магическими свойствами. И это, конечно, сыграло на руку и было потому многократно усилено победителями в условиях новой парадигмы и новой экономики.

Однако изменение роли информации происходило в течение длительного времени. С появлением самых первых электронных средств связи, таких как телеграф, информация становится предметом потребления, производимого в

небольших «упаковках», которые можно «посылать» через большие расстояния в режиме реального времени. Возможности обмена информацией на больших расстояниях с мгновенной скоростью обрели экономические и/или военные преимущества. Это сделало новую технологию весьма привлекательной. И все же не будем забывать слова МакЛюена: «посредник и есть послание».

Скорость и способность преодолевать расстояния ускорили материализацию информации. Телеграф произвел революцию в передаче информации на большие расстояния, и как следствие все большее и большее внимание стало уделяться собственно скорости и объему передаваемой информации, в то время как её другие аспекты – её трактовка, контекст и осмысление – оказались на втором плане. Объем быстро переданной информации стал рассматриваться как нечто ценное само по себе, независимо от содержания и целей.

Тот факт, что технология решает одну проблему, не означает, что все так или иначе связанные с первой проблемы исчезают или становятся менее насущными. Умение транспортировать информацию на большие расстояния не означает, что люди знают, как ее толковать и понимать в соответствующем контексте. Когда солнце новой парадигмы встает над горизонтом, некоторые вещи все еще остаются в тени. Каждая решенная с помощью технологии проблема порождает новую. Мы привыкли рассматривать прогресс как движение,

но за движение всегда надо платить. Электронная информация становится не более чем еще одним изолированным феноменом, как крик человека, нуждающегося в резонансе, во все более фрагментарном мире.

Наибольший интерес, возможно, справедливо, вызывает революционный способ, которым люди стали обмениваться информацией, находясь на разных концах страны, не задаваясь вопросом, есть ли что сообщить реципиенту. Материализация и дробление информации усиливается, когда она все больше передается визуальным способом. Слова обычно требуют определенного грамматического контекста, если вообще что-нибудь значат, образы же, предполагается, говорят сами за себя. Фотография исчерпывающе выражает застывший момент бытия; в мире фотографии все открыто для обозрения. Настоящее возникает со светом вспышки, прошлое отступает в тень, контекст растворен в легкой дымке. Ценность информации велика, но содержание решительно неясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.